

Лазарев, Л. Высший кодекс человечности [Текст] : заметки о повестях Василя Быкова / Л. Лазарев // Лит. в школе. – 1978. - № 1. – С. 13-24.

Начну с цитаты. Она не принадлежит Василию Быкову. Это статистическая справка. Но она имеет самое прямое отношение к его жизни и книгам.

«Среди фронтовиков 1922, 1923, 1924 годов рождения, — свидетельствует скорбная статистика, — в живых осталось три процента». Это поколение тех, кому в 41-м не было еще двадцати, кто ушел на фронт прямо со школьной скамьи. К нему и принадлежит Василь Быков.

Это поколение Зои Космодемьянской и молодогвардейцев. Его судьба — одна из самых героических страниц в истории нашей страны, в истории нашей армии, 60-летие которой мы отмечаем в эти дни. То, что юноши Великой Отечественной войны с достоинством и мужеством, доступными, казалось бы, лишь людям сложившимся и зрелым, прожили неимоверно трудное время, не сломились и не согнулись под тяжестью жестоких испытаний, а возмужали и окрепли духом, были беззаветно стойкими защитниками Родины, — это было, быть может, наиболее поразительным и очевидным подтверждением крепости социальных и нравственных основ нашего образа жизни, духа нашей армии.

Несколько лет назад Быков написал короткие воспоминания о тех фронтовых товарищах, которым он лично обязан тем, что остался жив, — так они, эти воспоминания, и назывались — «Жизнью обязан». И чтобы для читателя, особенно молодого, утверждение о неразрывной связи того, что пережито писателем на фронте, с тем, что он изображает в своих произведениях, не было умозрительным, процитирую отрывок из мемуарного очерка, который делает эту связь наглядной.

Быков рассказывает, как впервые попал на передовую. Командир роты, пишет он, «подвел меня к коротенькому строю моего стрелкового взвода. Он представил взвод мне, а меня представил бойцам — хмурым, невыспавшимся, озябшим, ждущим запаздывавший завтрак. Я хотел о чем-то расспросить бойцов, но он нетерпеливо бросил: «Ладно, познакомишься. Командуй. Через двадцать минут атака!»

Через двадцать минут была атака, бешено стегали вражеские пулеметы, а минные разрывы черными пятнами за десять минут испещрили все поле. Вскоре мы залегли, казалось, не в состоянии больше подняться. Чтобы определить плотность огня, командир роты на несколько секунд вскинул над собой лопатку, и в металле ее сразу же появились две рваные дырки. И все-таки мы встали, подняли бойцов и атаковали село, на краю которого в братской могиле

осталась треть нашей роты».

Всего лишь один короткий эпизод — а сколько их было за войну! Можно ли удивляться тому, что для Быкова, как он сам говорил, собственный фронтовой опыт — главный источник «знания правды и войны и природы человеческого поведения на войне»? И его признанию: «Я о многом уже написал из того, что видел и пережил на войне, но сознаю, что все написанное — лишь малая часть моего скромного фронтового опыта. Куда больше из него не нашло себе места в моей фронтовой прозе и неизвестно, найдет ли».

С концом войны не кончилась служба Быкова в армии (в 1947 году он был уволен в запас, но через два года его вновь призвали) — еще почти десять лет пришлось ему служить в дальних гарнизонах. Затем, окончательно демобилизовавшись, он стал в Гродно журналистом, газетчиком и в эту пору написал и напечатал первые свои рассказы. Это были большей частью рассказы о послевоенной жизни белорусской деревни, о сельской молодежи. Вскоре он начал писать о войне, и этой теме, захватившей его безраздельно, он сохраняет верность до сих пор. Уже в первых военных рассказах Быкова и в первой его повести «Журавлиный крик», написанной в 1959 году во время лагерных офицерских сборов, проступают некоторые черты дарования автора, которые вскоре заставили говорить о нем как о ярком, своеобразном художнике. Может быть, потому, что Быков взялся за перо уже зрелым человеком — ему было за тридцать, он почти не знал периода ученичества. Написанная через год с небольшим «Третья ракета» (перед ней была еще «Фронтовая страница») была удостоена республиканской премии имени Якуба Коласа и принесла автору всесоюзную известность.

Работал писатель с поразительной интенсивностью — одна за другой появлялись его новые вещи. Перечислю в хронологическом порядке написанные им после «Третьей ракеты» повести: «Альпийская баллада», «Западня», «Мертвым не больно», «Атака с ходу», «Круглянский мост», «Сотников», «Обелиск», «Дожить до рассвета», «Волчья стая», «Его батальон». Были у Быкова большие и меньшие удачи, некоторые его повести вызывали горячие споры в критике, случалось, с его концепциями весьма запальчиво полемизировали, но ни одно из его произведений не проходило незамеченным, не оставляло читателей и критиков равнодушными. И то, что в преддверии 30-летия Победы над фашистской Германией, в 1974 году, за повести «Обелиск» и «Дожить до рассвета» Василь Быков был удостоен Государственной премии СССР, — это свидетельство заслуженного им подлинно народного признания.

В этих заметках я ограничусь разговором о некоторых общих особенностях быковской прозы, о характерных свойствах его писательской индивидуальности.

«Мы были, — говорил Быков, — солдатами или лейтенантами,

соответствующим нашему чину оказался и наш опыт — опыт фронтовиков-окопников, сугубо солдатский опыт, который получили на войне миллионы». Этот общий опыт был и выстраданным писателем личным опытом — вот откуда в прозе Быкова постоянное, столь высокое лирическое напряжение. Быков стремится описывать войну такой, какой ее видел рядовой солдат («Фронтальная страница», «Третья ракета», «Атака с ходу»), или сельский паренек — почти подросток («Круглянский мост»), или лейтенант — командир взвода или роты («Западня», «Дожить до рассвета»). Писателя главным образом интересует характер «рядового великой битвы» (так он в одной из статей назвал своего основного героя), человека из самой гущи народной, сплошь и рядом не отличающегося ни выправкой, ни лихостью, ни другими внешними атрибутами воинской доблести, но непоколебимого в своих представлениях о том, что хорошо и что дурно, справедливо и несправедливо, готового к трудностям и невзгодам, осознающего свою ответственность перед Родиной и перед товарищами по окопу.

Когда-то Лев Толстой писал о «духе русского солдата»: «Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера». Л. Толстого я вспомнил не случайно: чтобы верно и глубоко понять особенности нашей литературы о войне, надо учитывать и то влияние, которое оказал великий художник на современных писателей-баталистов, в том числе и на Быкова, для которого, по собственному его свидетельству, в литературе нет более высокого образца.

«В полку он ничем не выделялся среди других пехотинцев», — говорится в «Альпийской балладе» о герое, — а вот в плену и в лагере выяснилось, на что он способен, чего стоит, какие силы таились в его душе». В этой повести проходит одна из сквозных в творчестве Быкова тем — тема проверки истинных качеств человека. Четыре раза бежал Иван из плена, вынес то, что, казалось бы, выдержать невозможно, хотя сам «никогда не считал себя ни героем, ни храбрецом». И после всех страданий, унижений и мук его «заскорузлая душа» сохранила отзывчивость и сердечность. Пусть в тех страшных обстоятельствах отзывчивость и доброта как будто бы непозволительная, немислимая роскошь — иначе поступать Иван не может. Он многое готов отдать, лишь бы снова «встать в строй, взять в руки оружие», — в этом он видел «теперь смысл жизни, наивысшее свое призвание и награду за все страдания и позор, пережитые им за год плена». Но ни ужасные обстоятельства, ни это стремление к

высокой цели — вырваться из неволи, чтобы сражаться против гитлеровцев,— не могут заставить его думать только о себе, отвернуться в трудную минуту от слабого. Поступить так — для него значит в чем-то покориться фашистам, уподобиться им.

У его мужества твердая почва, крепкая закваска. Военнопленные, выкапывая неразорвавшуюся во время налета авиации бомбу, решили ее подорвать, чтобы в суматохе, которую вызовет взрыв, бежать. Кто-то должен кувалдой разбить взрыватель и почти наверняка пожертвовать собой. Решили бросить жребий, и он пал на того из них, кто уже так обессилел от болезни, что сделать это не в состоянии. Тогда вызвался Иван, потому что, если кто-то должен, значит, он уклониться не может...

Или молоденький боец Пивоваров («Дожить до рассвета») — «тонкий, слабосильный». В детстве над ним всегда тряслась мать, он был у нее единственным, крепким здоровьем не отличался, не гонял по улицам с мальчишками, не озорничал, больше всего любил книги. Ему трудно там, где требуется физическая выносливость, у него не очень большой запас сил, но он человек долга — ни за что не подведет товарищей и командира, не стучится даже перед лицом смертельной опасности. И, видимо, почувствовав это, его берет в напарники для операции, почти не оставляющей шансов на благоприятный исход, герой повести лейтенант Ивановский, — и выбор этот оказался точным...

Или Левчук («Волчья стая») — он тоже ничем особенным не выделялся среди товарищей в партизанском отряде — вот разве что неплохо освоил ту простую, но такую нелегкую науку, смысл которой «в большинстве сводился лишь к тому — убить врага и самому увернуться от пули», и был, что называется, надежным бойцом. Левчук раскрывается перед читателем как человек самых высоких и прекрасных нравственных качеств, которого бесчеловечные обстоятельства не могут заставить поступить не по совести. Раненый, преследуемый волчьей стаей карателей, он спасает новорожденного младенца. И его подвиг, а иначе нельзя назвать то, что он совершил, хоть сам он меньше всего склонен так оценивать происшедшее, приобретает почти символический смысл — поистине «ради жизни на земле» рисковал головой этот неприметный, скромный человек, словно бы чувствуя себя ответственным за весь род людской, за его будущее.

Что ж, герои Быкова вовсе не отчаянные храбрецы, не знающие страха. И не сверх обычного отпущено им природой сил. И не обязательно они праведники, никогда не оступавшиеся в жизни. И многие из них не поднаторели по части грамоты и других премудростей. Но в минуты главного испытания, когда приходится смотреть смерти в глаза, когда верность долгу означает готовность и к самопожертвованию, они ведут себя как настоящие люди. В повести

«Дожить до рассвета» Быков пишет о своем герое: «Вообще Ивановскому везло в войну на хороших людей...» Это можно сказать и о творчестве самого Быкова. Как много в его книгах хороших, благородных, действительно настоящих людей, являющих собой пример поразительной силы духа! Неостывающий интерес писателя к героям такого склада, в сущности, это интерес к народному характеру в его самом массовом проявлении. Вот почему в маленьких повестях Быкова, в центре которых один герой и какой-то один эпизод, явственно ощущается масштаб всенародной войны, огромное напряжение гигантской битвы не на жизнь, а на смерть.

Кажущееся, бросающееся в глаза, мнимое и подлинное, обнаруживающее себя тогда, когда жизнь и смерть становятся ценой поступка, мерой истинности чувств и убеждений, — вот что определяет образный строй повестей Быкова, их «внутренний закон», следуя которому автор строит композицию, сталкивает и разводит персонажей, меняет ракурсы изображения. Каждый из его героев — без исключений — должен пройти жестоко-строгое испытание: сможет ли он не щадить себя, чтобы выполнить свой долг перед товарищами, свои обязанности гражданина и патриота, сможет ли в нечеловеческих условиях не уронить человеческое достоинство, не дрогнет ли на смертном рубеже? Где же он, в чем тот глубинный, скрытый от поверхностного взгляда водораздел между выдержавшими это испытание и оказавшимися несостоятельными? Быков пишет об одном из героев «Журавлиного крика»: старшина Карпенко «заботился о других и никогда особенно не тревожился о себе». И это то коренное свойство, которое присуще всем, чья стойкость проявилась в решительный час, — они больше думают о других, чем о себе.

Для того чтобы правдиво передать все, что вынес и выстрадал, что передумал и перечувствовал этот «рядовой великой битвы», который в общем строю легко может и «затеряться», не обратить на себя внимания, надо приблизить его к читателю, дать читателю возможность пристально и не торопясь разглядеть, как жил на войне и как, если уж выпадала такая доля, умирал этот простой солдат или офицер. Поэтому для Быкова в высшей степени важны психологические подробности, немудрящий фронтовой или партизанский быт, поминутная запись лихорадочных событий быстротекущего боя.

Время действия в его повестях, как правило, ограничено одним-двумя днями, а то и всего несколькими часами боя — но такими длинными, бесконечно длящимися, когда ощутима и весома каждая секунда, когда каждое мгновение может быть последним в твоей жизни. Ограничен обычно и круг действующих лиц: это соседи по окопу, товарищи по орудийному расчету, маленькая — два-три человека — партизанская группа, отправленная на задание и действующая самостоятельно. Но это люди, от которых зависит жизнь

героя и жизнь которых точно так же зависит от них, люди, сведенные вместе военной судьбой для испытания, в котором суть человека порой раскрывается глубже и яснее, чем за долгие годы жизни в обычных условиях.

Как много в повестях Быкова, казалось бы, обыденных, совершенно негероических деталей, а все вместе они складываются в пронзительно правдивую картину повседневного солдатского героизма, массового подвижничества, суровой доблести. И именно потому, что тяжкое и неприглядное в быте войны не «отцежено» писателем, осязаемо конкретной становится мера того, что выражается словами «солдатский долг». И подлинное величие тех, кто верен этому долгу.

Этот принцип — «неотцеженной» правды — определяет и выбор действующих лиц. Это и те, кто честно несет на своих плечах огромную тяжесть войны, и те, кто не выдержал главного жизненного испытания. Столкновение взглядов, позиций, принципов поведения персонажей отличается в повестях Быкова крайней остротой и драматизмом, превращаясь в более поздних вещах в противостояние, противоборство различных жизненных философий.

В более поздних повестях, начиная с «Круглянского моста», Быков обращается к теме партизанской войны. Есть две причины, почему этот материал для него, воевавшего в регулярной армии, стал так близок, одна житейская, другая творческая. Быков живет в Белоруссии, в Гродно, где и через тридцать лет не выветрилась память о страшных днях фашистской оккупации, о кровавой партизанской войне. То, о чем он пишет, происходило с его родными, с его соседями, с его знакомыми. «Фронт борьбы с гитлеровцами, — рассказывает Быков о героическом сопротивлении захватчикам в Белоруссии, — проходил по каждой околице, по каждому подворью, по сердцам и душам людей».

К новому для него материалу Быкова подводил и сам характер жизненных коллизий, занимающих писателя. Для литературы партизанская война, говорил Быков, «таит в себе возможности, которые далеко не всегда предоставляет фронтовая действительность с высокой степенью ее организованности и регламентированностью всего ее быта и деятельности. Партизанская война (особенно на ее раннем этапе) — процесс действия масс, стихийности ее человеческого материала, нравственного и психологического разнообразия, что всегда предпочтительнее для литературы. Извечная тема «выбора» в партизанской войне и на оккупированной территории стояла острее и решалась разнообразнее, мотивированность человеческих поступков была усложненнее, судьба людей богаче, зачастую трагичнее, чем в любом из самых различных армейских организмов. И вообще элемент трагического, всегда являющийся существенным элементом войны, проявился здесь во

всю свою страшную силу».

На двух повестях Быкова — «Сотникове» и «Обелиске» — я хотел бы остановиться подробнее, ибо именно после них в критике заговорили — и для этого были все основания — о «быковской повести» как о явлении своеобразном, как о художественной структуре особого типа, сориентированной на решение нравственно-философских проблем.

В «Сотникове» герои Быкова сталкиваются с новым для себя испытанием. Не огнем, не голодом, не угрозой смерти, а ее неотвратимостью. Это проверка человека безысходностью: может ли он ее выдержать, при каких условиях, какие для этого требуются внутренние данные? Две судьбы, два человека проходят перед нами: один, Сотников, выдерживает испытание и гибнет, другой, Рыбак, покупает себе жизнь, становясь подлецом.

Рыбак не злодей, маскировавшийся до поры до времени, многое в нем вызывает симпатию, и не потому, что мы поначалу не распознали его истинного лица, — у него и в самом деле есть достоинства. Человек он доброжелательный, легкий, без амбиций и претензий, его не гложут ни зависть, ни злоба. Ему свойственно чувство товарищества. Он искренне сочувствует расхворавшемуся Сотникову; заметив, что тот мерзнет в шинели и пилотке, отдает полотенце, чтобы хотя бы шею обмотал. Делится с ним остатками своей порции пареной ржи — это не так мало, как может показаться, ведь они давно сидят в отряде на голодном пайке. И не только о своем напарнике заботится Рыбак — для него «не так важно было, что вдвоем они остались голодными, — больше тревожила мысль о тех, которые мерзли теперь на болоте». И труса в бою Рыбак как будто бы не праздновал, под огнем вел себя достойно...

Как же случилось, что неплохой по природе своей парень, вроде бы не трус и не шкурник, попав в руки к врагам, стал полицаем и участвовал в казни товарища, с которым они вместе отбивались от карателей, которого только вчера, изнемогая от усталости, тащил на себе, чтобы спасти от смерти или фашистского плена? Как это могло произойти?

Автор ведет повествование таким образом, что мы видим происходящее попеременно то глазами Сотникова, то глазами Рыбака. Такое построение произведения дает возможность сопоставлять и сравнивать не только поведение героев, но и мотивы, которыми они руководствовались, поступая так или иначе; открывается то, что они думают о происходящем, друг о друге, о себе, движение их души; видно, как одно и то же событие может восприниматься и оцениваться ими по-разному — и не на рассудочном, а на эмоциональном уровне. Автор предоставляет героям равные возможности для самораскрытия, которые они используют каждый в соответствии со своим характером: Сотников —

чтобы постоянно судить себя, проверять и перепроверять нравственную обоснованность своих поступков, Рыбак — для самооправдания, когда у него возникает смутное — только смутное — беспокойство, верно ли он поступает. Конечно, эти его попытки примирить противостоящие друг другу моральные обязательства и жизненные обстоятельства, найти для себя какую-то лазейку иллюзорны и наивны, но надо все же учесть страшную тяжесть этих навалившихся на него обстоятельств, не сбрасывать их с весов. Без этого нельзя вершить над ним справедливый нравственный суд.

Причину падения Рыбака автор видит «в его душевной всеядности, несформированности его нравственности. Война для него — простое до примитива дело, с исчерпывающей полнотой выраженное постулатом: «чья сила, того и право» — и еще: «своя рубашка ближе к телу». Он не враг по убеждениям и не подлец по натуре, но он хочет жить вопреки возможностям, в трудную минуту игнорируя интересы ближнего, заботясь лишь о себе. Нравственная глухота не позволяет ему понять глубину его падения. Только в конце он с непоправимым опозданием обнаруживает, что в иных случаях выжить не лучше, чем умереть». Дочитав повесть до конца и мысленно возвращаясь к ее началу, мы обнаруживаем в характере Сотникова и Рыбака то, что сделало возможным и закономерным их поведение в финале. Еще до того, как их схватили полицаи, что-то в Рыбаке нас настораживало, коробило — тогда мы этому не придали и не могли придать должного значения, но какая-то червоточина в нем была. Только она была такого свойства, что обнаружиться могла лишь в чрезвычайных обстоятельствах...

Для Рыбака граница между нравственным и безнравственным — понятие смутное и неопределенное. И чем круче будет затягиваться вокруг партизан узел обстоятельств, тем больше будут Рыбака раздражать в Сотникове «твердолобое упрямство, какие-то принципы», которыми тот ни за что не хочет поступиться и которым сам Рыбак особого значения не придает. «Кому неизвестно, — объясняет он себе причины нарастающего недовольства Сотниковым, — что в игре, которая называется жизнью, чаще с выигрышем оказывается тот, кто больше хитрит». При этом Рыбак человек не двуличный, не прожженный ловчила, дело тут в другом: принципы для него — сфера сугубо дисциплинарная, внешних установлений, а не внутренней убежденности. Вместе со всеми — в строю, в цепи, под началом командиров — Рыбак в общем в грязь не ударит, так как здесь действуют заранее определенные правила, твердые приказы, которым он привычно и добросовестно следует. Предоставленный же самому себе, он оказывается без руля и без ветрил, лишившись каких-либо внешних ориентиров — при отсутствии надежных внутренних — легко может сбиться с пути истинного: его собственные духовные ресурсы крайне ограничены, нравственное чувство в нем не

воспитано. Он считает, что «в минуту наибольшей опасности каждый заботится о себе, берет свою судьбу в собственные руки», и ему уже ни до кого и ни до чего нет дела.

Рыбака не оставляет мысль — и чем хуже дела, тем неотступнее и заманчивее она, — что если есть у него какой-то шанс благополучно выбраться из этой переделки, то воспользоваться им он сможет, лишь развязав себе руки, отделив свою судьбу от судьбы напарника. Плен уравнил их положение, и Рыбак счел себя свободным от каких-либо обязательств по отношению к Сотникову. Ему казалось, что он избавляется от обузы, а это был первый шаг к пропасти. Полагаясь только на себя, он должен был выдержать испытание, к которому совершенно не был готов. Ему недоставало мужества и нравственной прозорливости, чтобы трезво оценить безысходность ситуации и с достоинством встретить неизбежное,— и, отстранившись от Сотникова, он лишился последней опоры, которая нужна была ему больше, чем когда-либо. Рыбак решил любой ценой «обойти судьбу», «вывернуться», не понимая, что цена в этой ситуации могла быть только одна — предательство. Ему казалось, что он сможет перехитрить, переиграть полицаев, ему не приходило в голову, что, начав с ними какую-то игру, он сможет играть только по правилам, которые установили они, и всегда будет в проигрыше. Не одни «сказки» рассказывал он следователю, есть в его ответах и та «быль», которая кому-то может больно и страшно отозваться, что смущает даже его не очень чувствительную совесть, но каждый раз он находит себе какое-нибудь оправдание.

Рыбак доволен: следователя расположил как будто бы к себе, а сказал на допросе не так уж много — ему невдомек, что полицаи оценил не то, что было в его ответах, а его готовность отвечать, сговорчивость и податливость. И предложение служить «великой Германии», стать полицаем Рыбака несколько не смутило, не насторожило, хотя тут-то он должен бы, наверное, задуматься, куда может его завести желание выжить во что бы то ни стало. Но и на этом сомнительном рубеже Рыбак удержится недолго, трясина засасывает его глубже и глубже— он уже корит себя, что зря «не согласился сразу —завтра как бы не было поздно». Мир его зыбких, нестойких нравственных представлений рушится на глазах: Рыбак уже мечтает о смерти Сотникова, опасаясь, как бы тот со своими принципами и упрямством ему не помешал, с радостью думает, что долго Сотников не протянет и тогда можно будет полицаям говорить все что надо, вести себя как потребуются. В смерти товарища «он видел единственный для себя выход из этой западни». Разумеется, в эту минуту он еще и вообразить себе не мог, что это желание избавиться от ненужного свидетеля ему придется через несколько часов осуществлять своими руками, выбив чурбан из-под ног стоящего с накинута петлей Сотникова. В эту минуту он, наверное, ужаснулся

бы, представив себе это — своими руками. Но внутренне он готов к этому.

И, даже переступив через страшную черту, Рыбак все еще не понимает, что сотворил: «... При чем тут он? Разве это он? Он только выдернул обрубок. И то по приказу полиции». И, лишь оказавшись среди выстроившихся после «ликвидации» полицаев, в их строю, где он почувствовал себя «обыкновенно и привычно» и «бездумно шагал в такт с другими», увидев страх и ненависть в глазах местных жителей, Рыбак наконец сообразил, что после случившегося бежать ему отсюда некуда...

Мрачноватый, нескладный, неуступчивый Сотников не сразу и не просто завоевывает наше уважение и симпатию. Есть в нем безоглядная категоричность, которая в другое время, в других условиях людям, соприкасающимся с ним, может не без оснований показаться небезобидной — не зря «в последние мгновения жизни он неожиданно утратил прежнюю свою уверенность в праве требовать от других наравне с собой». Но столь мужественно и бесстрашно мог вести себя перед лицом фашистских палачей Сотников такой, каким он был — со всеми достоинствами и недостатками. Да, и недостатками тоже, потому что неуступчивым, негибачаемым Сотникова делает и свойственная ему безоглядная категоричность. Быков создал живой и цельный характер, в котором достоинства и недостатки прорастают друг в друга, у них общие корни.

Стоит взглянуть с этой точки зрения на один из эпизодов повести: в поисках какого-нибудь харча для оставшихся в лесу партизан Сотников и Рыбак попадают к старосте Петру. То, что Сотникова не трогают ни сочувствие старостихи, которая заметила, что он болен, ни ее видимое добросердечие — как разберешь, притворное или искреннее, ни причитания, в которых проклятия немцам перемежались с попреками мужу, в недобрый час согласившемуся стать старостой, и просьбами войти в положение старика, — этому удивляться не приходится. Был у Сотникова уже случай, когда такая же как будто бы тетка — «с виду сама простота, с благообразным лицом, в белом платочке на голове», так же честившая великую Германию и так же сердобольно предложившая ему поесть, послала в это время за полицаями и он едва унес ноги. От чрезмерной доверчивости и жалости Сотникова быстро отучила война, на которой ему много пришлось пережить: разгром полка в первом же бою, побег, скитания по оккупированной территории.

Примечательно другое. Сотников считает совершенно естественным и справедливым забрать у старосты овцу или что там придется для отряда, но от предложенных ему в этом доме еды, питья, домашних лекарств наотрез отказывается: «Он не желал этой тетке хорошего и потому не мог согласиться на ее сочувствие и помощь». И это в логике его характера — принять чью-то помощь для

него значит взять на себя нравственное обязательство отплатить тем же, а он не желает добра людям, связавшимся с врагами.

Таков Сотников. Даже когда дело касается вещей вроде бы совершенно обыденных и заурядных, он все равно должен для себя непременно выяснить их нравственную подоплеку. Его нравственное чувство никогда не дремлет, определяя его поведение и в большом и в малом, он не может подобно Рыбаку безотчетно совершить опрометчивый поступок, не подумать о возможных последствиях того или иного шага...

И вот что еще важно. Сотников то ли удивлен, то ли недоволен тем, что Рыбак отпустил лесиновского старосту, — нечего миндальничать с фашистскими прихвостнями! Потом в подвале у полицаев, узнав, как и почему Петр стал старостой, Сотников поймет, что был не прав по отношению к нему, — чувство вины, угрызения совести не будут давать ему покоя, он будет стараться выгородить старика. Рыбак же, который тогда по доброте своей пожалел Петра, теперь «какой-либо вины или даже неловкости» по отношению к нему не чувствует и, пытаясь выкрутиться, спасти свою жизнь, готов даже «ко всей этой истории припутать старосту», «представить его партизанским агентом или хотя бы пособником». То исключение, которое Сотников сделал для Петра, узнав истину, не поколебало ни в малейшей степени его общей твердой и бескомпромиссной позиции: он убежден — стоит только протянуть фашистам палец, и придется им служить. Он вытравил в себе все, что могло обернуться слабостью, это делало его характер нелегким, но ведь и время было тяжелее тяжкого...

Не быть обузой для других ни при каких условиях, всегда требовать от себя больше, чем от других, — этим принципам Сотников следует неукоснительно. Поэтому именно он залег и начал вести перестрелку с карателями, когда другие стали поспешно отходить, поэтому, несмотря на болезнь, поплел на задание, поэтому он чувствовал себя виноватым перед Петром и Дёмчихой, считая, что они расплачиваются за него. Суровые уроки преподала ему война, но он воспринимал те из них, которые укрепляли его волю к сопротивлению обстоятельствам, какими бы тяжкими они ни были. Это в плену он убедился, что с теми, кто преодолел страх смерти, фашистские палачи уже ничего не могут сделать.

Не случайно в последние минуты перед казнью «ему захотелось видеть людей» — он жил и боролся для людей, стремился делать для них все, что было в его силах, — отсюда его жесткая требовательность к себе. Стоя уже с накинутой петлей, Сотников и тут остается верен себе, и тут думает о других: поймав взгляд худенького бледного мальчишки в старой армейской буденовке, он, понимая, как невыносимо страшно ему зрелище казни, находит силы, чтобы поддержать его, — Сотников «одними глазами улыбнулся мальцу —

ничего, браток». Наверное, никогда не забудет мальчишка этой обращенной к нему последней улыбки неизвестного партизана.

Эта мысль об эстафете мужества и самоотверженности, намеченная в финале «Сотникова», в «Обелиске» развернута, поставлена в центр, к ней сходятся все нити повествования. Пафос этой повести в утверждении преемственности добра и нравственности; щедро посеянные зерна справедливости, благородства, подвижничества не пропадают, рано или поздно они непременно прорастут, дадут всходы.

Спор о том, должна ли быть на обелиске к пяти фамилиям казненных оккупантами школьников добавлена шестая — учителя Мороза, разделившего по своей воле их страшную участь (это основа и острого конфликта, долгой борьбы в послевоенную пору — жаль, что об этом говорится в повести излишне общо), как оценить его поступок, верно ли он сделал, отдав себя в руки полицаев, обещавших выпустить его учеников, имел ли моральное право — это спор сегодняшний.

Прошрое, хотя эпицентр трагических событий разместился в нем, не стало в повести предметом прямого изображения, не предстало, так сказать, в живых картинах, как это было в прежних вещах Быкова — даже в тех, где война возникала в нынешних воспоминаниях героев. То, что здесь, в Сельцах, когда-то произошло и в память о чем поставлен обелиск, герой-повествователь узнает из рассказа случайного соседа за столом на панихиде, вместе с которым добирается потом до города: Ткачук был здесь когда-то заведующим районо, воевал в партизанском отряде, учительствовал. Конечно, это не могло не отразиться на художественном строе повести, не привести к эмоциональным потерям: показ обычно сильнее рассказа, почти всегда он больше впечатляет. Все это так. Но именно такого рода структура — при всех ее уязвимых местах — была необходима автору, чтобы воплотить то, что в прошлом называли задушевной мыслью. В «Обелиске» эта мысль о силе благородного примера...

Говорят, что слово учителя и есть его дело. Это верно, но только тогда слово учителя действительно становится делом, когда он сам следует принципам, которые внушает ученикам, не только проповедует их на уроках, но и отстаивает в жизни. И если говорил Мороз ребятам о справедливости, то и добивался ее, не отступая перед трудностями и неприятностями, принимая близко к сердцу все их дела. Жизнь Павлика Миклашевича с появлением мачехи превратилась в ад, отец лупил его почем зря, и Мороз забрал малышка к себе и не отдал, когда отец пожаловался в суд. Если говорил, что все должны учиться, что новая власть (действие происходит в Западной Белоруссии вскоре после ее освобождения в 1939 году) всем открывает дорогу к знаниям, то девочкам-близнятам, которым мать-вдова не могла справиться обуви, купил ботинки на свои

не слишком большие доходы (не зря накрывался пальто, одеяла не было), чтобы могли в школу ходить. Если, прочитав ученикам «Муму», говорил о милосердии к слабым, осуждал жестокость, то, когда ребята принесли щенят, которых им дома приказали утопить, оставил щенят в школе.

Очень скоро стал Мороз для своих учеников высшим и безоговорочным авторитетом, за него они готовы были в огонь и в воду. Да и жители округа прониклись к нему доверием, стали все чаще обращаться за советом и помощью, видя, что учитель близко к сердцу принимает их дела. И такое место он занял в их жизни, так его уважали, так с ним считались, что и в войну, во время фашистской оккупации, не к попу или ксендзу, а по-прежнему к нему шли и с плохим и с хорошим. И стал он поэтому для партизан очень ценным помощником. Именно ему передали мужики отысканный приемничек, хотя и партизаны в нем нуждались, но к ним еще поначалу присматривались, местных в отряде почти не было, все больше «окруженцы».

Однако, по представлениям того времени, сложившимся еще до войны, представлениям во многом умозрительным, повел себя Мороз в первые месяцы оккупации не лучшим образом, чтобы не сказать антипатриотично: школы не оставил, получил у немцев разрешение и продолжал детей учить. В лес вроде не собирался: правда, хромой, калека, какой из него воин, а все-таки выходило — служит немцам... Но война быстро проверяла и рассортировывала — кто кому служит. И неразумных учила уму-разуму. И заставляла добираться до сути. А Мороз многое из того, что тогда происходило, раньше и лучше других понял. И когда Ткачуку, который к нему уже из леса, от партизан пришел, говорил: «Не будем учить мы — будут оболванивать они. А я не затем два года очеловечивал этих ребят, чтоб их теперь расчеловечили. Я за них еще поборюсь», — когда говорил это, осознавал уже Мороз, что даже если не вести напрямую агитацию за Советскую власть и против оккупантов, а прививать ребятам любовь к добру, справедливости, человечность — это значит воспитывать непримиримых противников фашизма; и Пушкин, и Тургенев, и Толстой были надежной прививкой против нацистской заразы, были тоже действенным оружием антигитлеровской пропаганды.

Есть глубокий смысл в том, что главные события в повести происходят на оккупированной территории в первые месяцы войны. «Миллионы людей,— говорил Быков,— очутились в ситуации, когда необходимо было сделать выбор, при этом каждому приходилось выбирать самому, сообразно своим нравственным навыкам, своей совести. Потом стало проще. Начало расти партизанское движение. Но первые месяцы войны, первая ее зима на оккупированной территории были самыми драматическими в смысле выбора». Надо к этому добавить, что в областях, где новая власть не просуществовала

еще и двух лет, ситуация была, естественно, наиболее сложной и драматической, далеко не сразу и вовсе не все осознавали саму необходимость выбора. Мотив этот очень важен для понимания изображенных в повести событий. Партизанское движение не может существовать, а тем более развиваться, без широкой народной поддержки, — это его база, его фундамент. Так вот Мороз и помогал создавать эту жизненно необходимую для войны с врагом в тылу базу, без которой едва ли долго продержался бы и тот отряд, в котором комиссарил Ткачук. Мороз помогал людям совершить правильный выбор, не поддаваться на посулы врага, не дать себя запугать. Он был на виду, к его мнению прислушивались, ему верили, для очень многих здесь он олицетворял новую жизнь, был самой высокой нравственной инстанцией.

Он не посылал ребят на безрассудную диверсию, но все равно считал, что несет ответственность за них — перед их родителями, перед общественным мнением, перед своей совестью. А полицаи, похватав ребят, заявили, что, если учитель явится, выпустят их, «по селу распустили слух, что вот-де как поступают Советы: чужими руками воют, детей на закланье обрекают». Не явившись в полицию, Мороз ставил под сомнение все, что тут сделал, подрывал веру в принципы, которые проповедовал, — они утрачивали значение безоговорочного нравственного императива. А его смерть, на которую он пошел по доброй воле, — это Ткачук потом понял — стала «абсолютным доказательством», «самым неопровержимым аргументом» в пользу партизан. После того, что произошло, наверное, во всей этой округе уже не оставалось человека, который не сделал бы для себя выбор, с кем он и против кого.

Две взаимосвязанные мысли сливаются в повести. Чтобы их сформулировать, воспользуюсь выступлением Быкова в связи с дискуссией, посвященной «Обелиску». Одна из них более конкретна: «...Мороз в конечном итоге воспитывал для подвига, формировал сознание активных борцов, собственной смертью продемонстрировал абсолютную нерасторжимость своего слова и своего дела». Вторая мысль более широка и обща, но неотделима от первой: в «народном выборе, как показала история, не последнюю роль сыграли наша идеология, культура, патриотическая литература прошлого, наше воспитание»; «сфера нашей духовности, наша коммунистическая идейность» были основой, на которой «произросли все остальные слагаемые нашей победы». Эти мысли слиты и, как это свойственно Быкову, доведены до последней ступени логического развития, раскалены добела. Если воспользоваться определением Л. Толстого, заметившего (запись в дневнике от 5 мая 1893 года), что работа писателя подобна «опыту в лаборатории», а сущность художественного произведения «состоит в том, чтобы представить самых разнообразных по характерам и положениям людей и

выдвинуть перед ними, поставить их всех в необходимость решения жизненного, не решенного еще людьми вопроса, и заставить их действовать, посмотреть, чтобы узнать, как решится этот вопрос», — можно сказать, что Быков добивается, благодаря высокой степени художественного сгущения, особой «чистоты» и результативности опыта. В некоторых предыдущих произведениях он так или иначе касался проблемы слова и дела, в «Обелиске» же она взята крупным планом, стала тем жизненным вопросом, для разрешения которого и написана повесть. И, наверно, поэтому главным героем ее оказался учитель — разумеется, не по профессии, а по призванию, по духовному влечению, — для которого его слово должно быть всегда равнозначно делу, непременно обеспечено делом, как бумажные ассигнации золотым запасом государства, иначе оно обесценивается, теряет свою силу. И не в этом ли смысл того, что и Ляхович из «Круглянского моста» и Сотников в прошлом были учителями? Но подчеркну еще раз, что для Быкова важна сфера нравственного воспитания, а в остальном — это делается для «чистоты» опыта — «учили и другие не хуже Мороза».

Прозу Быкова — об этом много говорили в критике — отличает острый интерес к общечеловеческим проблемам, максимализм в решении нравственных вопросов, отсутствие полутонов и какой-либо неопределенности, недоговоренности, сильная и уверенная мысль, не знающая страха перед «последними вопросами», способная проникать в моральную и философскую суть чрезвычайно сложной ситуации, иногда с житейской точки зрения неразрешимо сложной, чтобы извлечь из нее некий урок. Зрелые повести Быкова носят характер нравственно-философский.

В своем последнем обзоре русской литературы Белинский говорил о двух «разрядах» художников (само собой разумеется, эта, как и всякая другая, классификация в искусстве условна, тут явления, встречающиеся в химически чистом виде, крайне редки, если вообще возможны, но выяснить с помощью подобного рода классификации стилевую тенденцию, устремленность, эстетическую доминанту очень важно, без этого мы и вовсе утрачиваем какие-либо ориентиры). Первый составляют «talанты чисто художественные». Их отличительная особенность и сила — в умении «схватить данный предмет во всей его истине, заставить его, так сказать, дышать жизнью», в «поэтической живописи», в правдивом изображении реальности, «какой бы она ни была». Извлекать из нарисованной картины «нравственные следствия» такого склада художники предоставляют своим читателям. У художников другого «разряда» «мысль всегда впереди», «для них важны не предмет, а смысл предмета», они изображают «с поразительной верностью сцену действительности для того только, чтобы сказать о ней свое слово, произнести суд», их сила, их главное свойство «в мысли, глубоко

прочувствованной, вполне осознанной и развитой», в нравственных выводах, во «взгляде на жизнь».

Быков, несомненно, принадлежит к художникам второго «разряда». Мысль и нравственные следствия в зрелых его вещах всегда главенствуют. Необычайно сильные, пронзительно правдивые картины войны в его повестях непременно подводят к мысли — глубокой, страстной и всегда остро современной. Выявлению этой мысли подчинена художественная структура произведений Быкова.

В эпилоге «Альпийской баллады» возникает послевоенное, мирное время — это прямо к нему обращаются героиня и автор с призывом: не забывать! Не забывать всех отдавших свою жизнь в борьбе, с врагом! Не забывать, что для того, чтобы одолеть фашизм, нужна была не только сила оружия, но и сила человечности! Но и те повести, где Быков не прибегает к такому «открытому» приему, тоже обращены к нашим дням и к будущему, каждым своим образом, каждой мыслью, каждой фразой напоминая о том, каким должен быть человек, напоминая о его ценности, о его достоинстве, о его праве на счастье, напоминая о тех нравственных принципах, без которых сама жизнь теряет смысл и которым мы должны быть верны в любых обстоятельствах...